

О поступлении в университет в 15 лет, обучении бригадно-лабораторным методом и любви к поэзии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-862-1>

5 декабря 1983

Собеседник

Гнеденко Борис Владимирович

Ведущий

Тейдер Валентина Федоровна

Дата записи

Беседа записана 5 декабря 1983 и опубликована 24 августа 2016.

Введение

Третья беседа с математиком Борисом Гнеденко имела необычный формат — это скорее небольшой план-набросок, в котором Гнеденко рассказывает о темах и людях, которым собирается посвятить следующие встречи. Тем не менее он успевает поделиться воспоминаниями о поступлении в университет и рассказать, как добивался разрешения поступать в 15 лет, как сдавал вступительные экзамены и чем закончилась его учеба. Так вместо пяти лет Гнеденко проучился три, а программа последних двух была уложена в три месяца — это называлось бригадно-лабораторный метод.

В конце мы приводим единственный уцелевший фрагмент из следующей, четвертой беседы, в котором математик начинает свой рассказ о Саратовском университете.

Борис Владимирович Гнеденко: Родился я в Ульяновске, тогда Симбирске, первого января по новому стилю тысяча девятьсот двенадцатого года. Отец мой землемер, из крестьян, практически всю жизнь он был связан с сельским хозяйством.

Валентина Федоровна Тейдер: Как его звали, Борис Владимирович?

Б.Г.: Звали его Владимир Васильевич. Он любил землю, понимал в ней толк и мог бы быть хорошим организатором сельского производства. Землемером он считался отличным, но всю жизнь он мечтал о высшем образовании.

В.Т.: Он какого года рождения, простите?

Б.Г.: 1886-го.

В.Т.: 86-го. А умер?

Б.Г.: В 1939-м.

В.Т.: Перед войной сразу.

Детские воспоминания о войне и революциях

Б.Г.: И вот семья переехала в Казань в 1915-м году. Он поступил в Казанский университет на физико-математический факультет, проучился два года, а затем был мобилизован в армию.

В.Т.: То есть он не закончил университет?

Б.Г.: Не закончил. Но разговоры о математике сохранились в моей памяти. Мальчишкой я с удовольствием смотрел на толстые математические книги, испещренные непонятными знаками. Казанская жизнь была довольно тяжелой: конец неудачной русско-немецкой войны, Первой империалистической войны, начали чувствоваться недостатки продовольственного характера, чувствовалась мобилизация большей части мужского населения. У меня в памяти сохранились воспоминания сначала о Февральской революции, потом об Октябрьской революции. Февральская революция вселяла надежды в людей, что закончится война. Но война не кончалась и требовала новых и новых жертв. В памяти у меня сохранились события разного характера: взрыв на пороховом заводе...

В.Т.: Это в Казани?

Б.Г.: В Казани, да.

В.Т.: Значит, вы, родившись в Симбирске, переехали в Казань с отцом в 15-м году?

Б.Г.: Да. Затем, уже после революции, — пожар Оперного театра.

В.Т.: Ну, это стихийное бедствие, да было? Или случайно как-то?

Б.Г.: Нет, может быть, и поджог.

В.Т.: Поджог.

Б.Г.: Сохранились в памяти голодные годы...

В.Т.: Это страшное время тогда было.

Б.Г.: Страхное время.

...и небольшие очереди в столовые американской помощи.

В.Т.: АРА*.

Б.Г.: АРА.

* АРА (т.е. АРА, сокращ. от англ. American Relief Administration — Американская организация помощи) — благотворительная организация, оказывавшая помощь европейским странам после Первой мировой войны

В.Т.: Вы это помните, да?

Б.Г.: Конечно, помню. Конечно, помню.

В.Т.: И помните эти пайки, которые получали, да? Или нет?

Б.Г.: Тогда у нас пайков не было. Были карточки.

Отец вернулся из армии больной, и врачи ему порекомендовали изменить климат. В результате он уехал — вместе со всей семьей, естественно, — в Костромскую губернию, в город Галич.

В.Т.: А семья большая была уже?

Б.Г.: Нет, еще был брат и мать.

В.Т.: Младший ваш?

Б.Г.: Старший брат был. В результате переезда брат потерял один год школьной жизни, а я выиграл один год.

В.Т.: Вы сравнялись, да?

Б.Г.: Я просто с ним занимался вместе, и мы начали учиться одновременно в шестом классе. В одном и том же классе, только сидели на разных скамьях.

В.Т.: Вы дружны были?

Б.Г.: Да, да. Вот теперь уже можно сказать, что были дружны.

В.Т.: Ну да, в детстве это трудно.

Б.Г.: В детстве трудно, потому что все бывало.

В.Т.: Да, конечно. Он тоже математик?

Б.Г.: Он был физиком, но он погиб на войне при форсировании Днепра.

В.Т.: Как его звали?

Б.Г.: Глеб. Мое имя Борис под Глеба было дано.

Когда мы кончали седьмой класс, со здоровьем у отца стало лучше, значительно лучше, и он решил перебраться в город, где были бы высшие учебные заведения. И, пользуясь советами врачей, он выбрал Саратов: там был университет, там был Сельскохозяйственный институт, город, полный тепла.

В.Т.: Да, прекрасный город. Значит, это где-то в начале двадцатых, да?

Б.Г.: Это случилось в 25-м году.

В.Т.: Борис Владимирович, вы ничего не сказали о маме.

Б.Г.: Мама преподавала музыку всю жизнь, была увлечена музыкой, а отец все свои помыслы... сам уже он отказался от мысли закончить университет, хотя до конца своих дней пытался сочетать... и вся надежда — на нас. Ему страстно хотелось, чтобы я стал врачом. Я страстно не хотел становиться врачом. За что я благодарен своим родителям — это за ту мысль, которую они старались привить и мне, и брату, что самое ценное в жизни — это интеллектуальные интересы, что заработки, деньги имеют преходящий характер. И я считаю, что сейчас у молодежи какое-то завихрение происходит: интерес к материальному

благополучию зачастую находится гораздо выше внутренних потребностей, внутренних интересов.

Учился в школе я хорошо, это мне доставляло огромное удовольствие, но в ту пору, особенно в седьмом — восьмом классах, мои интересы были почти исключительно гуманитарного направления.

В.Т.: Это влияние мамы?

Б.Г.: Нет, это мои личные склонности с раннего детства. Я очень любил поэзию, очень много читал. Я еще до школы многое читал, с наслаждением.

В.Т.: Это вот все галичский период?

Б.Г.: Это галичский период.

В.Т.: А школа была хорошая?

Б.Г.: Хорошая школа была, очень хорошая, я потом вспомню преподавателей.

” А вот в конце восьмого класса я как-то всерьез подумал о будущем, начал много заниматься математикой, много решал задач самостоятельно, внешкольных задач, и увидел, до чего ж это красивая наука, до чего эта внутренняя логика позволяет вскрывать глубинные закономерности. И постепенно увлечение перешло, по-видимому, в призвание.

В.Т.: А что-то было, что вас подтолкнуло к этому: учитель или просто какие-то внешние факторы? Или нет? Это внутреннее какое-то вот движение душевной жизни?

Б.Г.: Нет, по-видимому, все-таки здесь два обстоятельства сыграли роль. Первое обстоятельство — это расхождение в программах между саратовской и галичской школой.

В.Т.: А вы в Саратове тоже еще в школе доучивались?

Б.Г.: В школе я доучивался, да, там два года еще учился. Когда мы приехали в Саратов, выяснилось, что я некоторых разделов курса не знал. Мне было страшно стыдно, когда меня вызвали к доске, и я ничего не мог сказать.

В.Т.: Именно по математике?

Б.Г.: Именно по математике, по математике и по химии. Химии в Галиче не было вовсе, а в Саратове ее проходили. И мне пришлось летом самому догонять, для того чтобы не было никаких неприятностей.

В.Т.: И это развило интерес какой-то, конечно, к этому.

Б.Г.: Развилось интерес, и, главное, я убедился в том, что я могу сам. А когда товарищи увидели, что я что-то могу делать, они обращались ко мне с просьбами помочь им.

В.Т.: А это тоже подстегивало.

Б.Г.: А это тоже стимулировало. Но все-таки к окончанию школы у меня увлечения были и мечты были стать инженером-кораблестроителем. Я даже не знаю, в чем дело, в семье у нас никого не было, но вид этих поразительных совершенно творений рук человеческих и разума на меня, видимо, оказывали колоссальное воздействие, и я мечтал строить корабли.

Поступление в Саратовский университет

Перед окончанием школы, в 27-м году, мне нужно было всерьез задуматься относительно будущего. Я кончал, и мне было пятнадцать лет, а, согласно правилам того времени, поступать можно было в вуз только с семнадцати лет. Вот весной в апреле в Саратов приехал Луначарский (тогда он был наркомом просвещения), и я решил прийти к нему на прием, с тем чтобы просить разрешения поступать вопреки правилам. Оставил заявление и ждал ответа. Прошел апрель, прошел май, июнь — я не получаю ничего. В июне я подаю заявление в Ленинградский кораблестроительный институт, и мне, естественно, приходит отказ. Я встречаюсь со школьниками саратовскими, которые сдавали экзамены, — меня поражает простота вопросов, меня поражает, что на некоторые из этих вопросов поступавшие не ответили, потому что это очевидно, что нужно было отвечать. Сейчас мне кажется, что они немножко привирали еще вдобавок, немножко страшнее показывали экзамены, чем они были на самом деле. И вот только тогда, когда я получил отказ Кораблестроительного института, я подал заявление в Саратовский университет.

В.Т.: В этом же году.

Б.Г.: В этом же году, в этом же году. Оттуда я тоже очень быстро получил отказ. А я посылаю в министерство бумаги, повторные, повторные, когда же получится ответ, и наконец получаю телеграмму такого содержания: «Вам разрешается поступать в вуз на общих основаниях».

В.Т.: Все-таки вы добились своего. Такой мальчишка...

Б.Г.: Я с этой бумагой иду в университет. Но толкование этой бумаги было различно у меня и в университете: я говорю, что это есть разрешение, потому что мне «разрешается» поступать, а мне говорят, что — «на общих основаниях», общие основания — с семнадцати лет. Я посылаю вновь телеграмму, что вот, «несмотря на получение вашего разрешения, мне разрешение не дано по такой-то, такой-то, такой-то причине, прошу подтвердить ваше разрешение более определенным образом».

” И наконец в день прекращения допущения к экзаменам я получаю телеграмму: «Вам разрешается независимо от возраста поступать в университет». Я с этой бумагой мчусь в приемную комиссию, там пожимают плечами...

В.Т.: Но что делать.

Б.Г.: ...но на следующее утро мне уже сказано являться на экзамен.

В.Т.: Значит, это где-то осень 25-го года?

Б.Г.: 27-го года, это осень 27-го года.

Брат, к сожалению, заболел скарлатиной во время экзаменов. Он собирался в Медицинский институт поступать, заболел. Я сдаю экзамены, переживаю за него, а он остается в больнице.

В.Т.: То есть он даже не сдавал экзамены?

Б.Г.: Он даже не сдавал, да.

У нас был котенок, и вот перед отходом на экзамен я сказал котенку: «Каждый раз, когда я буду на экзаменах получать высшую оценку, ты получаешь сто грамм мяса». (*Смеются.*) Он понять не понял, но, во всяком случае, он праздновал после каждого экзамена.

На следующий день я отправился на экзамен по письменной математике. Огромное помещение, там человек четыреста или пятьсот сидит, пишет... должны писать. Я тоже сажусь, получаю задание — и поражаюсь.

В.Т.: Простоте — да? — задач.

Б.Г.: Простоте. Все эти задачи у меня потребовали, ну, пятнадцать — максимум двадцать минут. Я поднимаюсь, подхожу — преподаватель говорит: «Вы отказываетесь писать?» Я говорю: «Нет, я написал, хочу сдать». — «Проверьте еще, не может быть!» Я проверил, еще пять минут у меня примерно заняло, — все верно. Я передал и ушел под неодобрительные взгляды преподавателя — преподавателей, вернее, — и под сочувственные взгляды товарищей по несчастью. Ну, потом я вычитал, что мне поставлен высший балл за письменную работу, а дальше начались разные экзамены. Я стремился всегда приходиться первым на экзамен и как можно раньше сдавать. Следующий экзамен — по устной математике. Я тоже получил пятерку, и тоже очень быстро все это прошло для меня. Дальше — экзамен по русскому языку. Вообще, этот экзамен как экзамен я и не воспринимал, потому что речью я владел свободно, начитанность была литературная приличная.

В.Т.: Это был устный экзамен по русскому языку?

Б.Г.: И письменный, и устный.

В.Т.: И письменный. То есть вы тоже писали сочинение...

Б.Г.: И писали сочинение, и устный был экзамен. Тогда больше экзаменов было, гораздо больше. Уж какое сочинение, я не помню сейчас. Я получил за него тоже пятерку, за это сочинение.

На устном экзамене меня просят рассказать о Кольцове — я рассказываю про жизнь, рассказываю творчество, иллюстрирую все это стихотворениями Кольцова, которые я знал тогда на память неплохо. Меня просят о Лермонтове — то же самое о Лермонтове. А Лермонтов был мой любимый писатель. Пушкин и Лермонтов — это писатели, которыми я был действительно увлечен. Потом — Короленко. Короленко я мог цитировать страницами. Они говорят: «Зачем вы поступаете на математический? Вам нужно на филологический поступать». Но я все-таки был верен себе, в результате я был принят.

В.Т.: Очень хорошо.

Б.Г.: Я был самым молоденьким мальчишкой на курсе. И студенческие годы были для меня каким-то откровением. Я широко раскрытыми глазами смотрел на науку, которую потихонечку узнавал, удивлялся широте и глубине метода, удивлялся простоте идей и в то же время и глубине этих идей математических. Но меня ждали некоторые разочарования. В 30-м году было решено ускорить выпуск специалистов, и мы вместо пяти лет учились три года. Причем вот последняя часть оставила самые тягостные воспоминания. Это так называемый бригадно-лабораторный метод.

В.Т.: Вы застали его.

Б.Г.: Да, вот последние как раз три месяца я учился бригадно-лабораторным методом. У меня была бригада пятнадцать человек, а меня избрали бригадиром — я за всех пятнадцать отвечал. Так что это чистая фикция была, чистая фикция.

В.Т.: Ну, собственно, для вас это не было формальностью, потому что вы отвечали.

Б.Г.: Я отвечал, но все-таки я бы должен сказать, что это не то познание, которое совершается нормальным путем. За три месяца двухлетний курс не пройти.

В.Т.: Да, конечно. (*Перерыв в записи.*)

Ремарки

Б.Г.: ...университета преподавателей.

В.Т.: Да, чтобы не комкать нам с вами эту тему.

Б.Г.: Не будем комкать, потому что, во-первых, был профессор Голубев там, а он долгие годы был деканом...

В.Т.: Здесь.

Б.Г.: ...уже в более поздние времена. И очень существенные воспоминания у меня будут, уже чисто личного плана, как раз в связи с математикой и с этими лицами. А дальше начнутся мои странствования самые разнообразные.

В.Т.: Ну, вот давайте эту тему, эту страничку, Саратовский университет, — мы тогда ее перенесем, да? Мы не будем сейчас ее начинать. Или как вы хотите? Начать?

Б.Г.: Нет, не нужно, потому что я только чисто внешнюю сторону, а...

В.Т.: Да. Атмосферу, конечно, хотелось, чтоб вы передали.

Б.Г.: Атмосферу — и товарищескую атмосферу, и атмосферу преподавательскую — я с удовольствием расскажу.

В.Т.: Хорошо, тогда давайте мы пока на этом закончим, а пока — как звали вашу маму?

Б.Г.: Мария Степановна.

В.Т.: А фамилию ее девичью вы не знаете?

Б.Г.: Коленцева.

В.Т.: Откуда она? Из каких?

Б.Г.: Она из Костромы.

В.Т.: Костромская. И какого она года?

Б.Г.: Она восемьдесят девятого года рождения. Скончалась она в 61-м году.

В.Т.: Пережила как намного папу. А из какой она семьи? Папа был из крестьян, как я понимаю?

Б.Г.: Да, а она мещанской семьи была.

В.Т.: То есть вы не знали дедов?

Б.Г.: Дед скончался... Тот и другой — оба скончались очень рано, оба, да.

В.Т.: Они на вас вот, на вашу семью не оказывали никакого влияния?

Б.Г.: Никакого влияния, нет, никакого влияния, потому что они — и отец отца, и отец матери — скончались до моего появления.

В.Т.: Понятно. (*Указывая на рояль*) А это мамино наследство?

Б.Г.: Это мамино наследство, мамино наследство.

В.Т.: Это рояль еще тех времен, да?

Б.Г.: Нет, это рояль более поздний, но это примерно копия того, какой был у нас постоянно.

В.Т.: То есть в вашем доме музыка постоянно звучала, да?

Б.Г.: Постоянно, звучала постоянно, да.

В.Т.: И приходили, видимо, к вам?

Б.Г.: И приходили, да, у нас и фортепьянные исполнения были постоянно в доме, и приходили знакомые

мамы певицы.

В.Т.: Вы росли в этой атмосфере музыки.

Б.Г.: Я рос в атмосфере музыки.

В.Т.: Вы сами не владеете инструментом?

Б.Г.: Немножко владел.

В.Т.: А из музыкальных ваших интересов кто вам ближе? Или это трудно сейчас так быстро?

Б.Г.: Нет, почему же. Я все-таки сторонник классической музыки.

В.Т.: Ну, понятно, конечно.

Б.Г.: Да. Я не понимаю и современное исполнение, и истошные завывания, мне они очень далеки. По моему, сейчас масса бездарностей, лиц без всякого голоса вот этими эстрадными штучками пытаются создать себе авторитет певца. На самом деле, бесталанные порой выступают.

Мне удалось услышать превосходных исполнителей в своей жизни, и вообще вы увидите, что мне повезло в жизни, что удалось встретить массу замечательных людей.

В.Т.: В смысле окружения, конечно, человеческого?

Б.Г.: В смысле окружения, в смысле общения с замечательными людьми, так что жаловаться не могу.

В.Т.: Да, вы счастливый человек.

В.Т.: Понятно. Теперь несколько слов, чтобы не возвращаться уже к этому, о школах, в которых вы учились, Борис Владимирович. Вот помните вы педагогов?

Б.Г.: Ну как же. Я вам расскажу позднее о встречах с педагогами — уже мно-о-ого позднее.

В.Т.: А, вы хотите это ретроспективно дать.

Б.Г.: Да-да-да-да-да. Я хочу, во всяком случае, вам показать, какого типа были педагоги.

В.Т.: То есть это и галичская, и саратовская школа?

Б.Г.: Да, и галичские, и саратовские преподаватели.

В.Т.: Вам с ними пришлось встречаться позднее, да?

Б.Г.: Не со всеми, далеко не со всеми. Вот с некоторыми пришлось встречаться. Об некоторых я даже просто писал как о замечательных преподавателях, которые умели найти выход из очень сложных обстановок педагогических. Сейчас, увы, мне кажется, это гораздо реже встречается. Но это я на более позднее, потому что, когда я буду говорить о своих увлечениях разных лет...

В.Т.: Значит, это у нас впереди — тема: «О педагогах», да?

Б.Г.: О педагогах.

В.Т.: «Школа». Это гуманитарного плана педагоги или только?..

Б.Г.: И гуманитарного, и негуманитарного плана.

В.Т.: Значит, «Саратовский университет. Педагоги. Школа».

Б.Г.: Я считаю, что педагогический коллектив должен выступать как единый оркестр, и очень часто мы абсолютно неправильно понимаем. Вот меня всегда возмущала эта дискуссия — «физики и лирики», эта глупейшая и высосанная из пальца, потому что ни один добрый физик и математик не скажет, что ему не нужно хорошее гуманитарное образование.

В.Т.: Конечно.

Б.Г.: Потому что каждому нужно научиться излагать свои мысли и ясно, четко, кратко передавать их, а без хорошего гуманитарного образования это невозможно сделать.

В.Т.: Ну, и потом, общая культура невозможна, наверно, без гуманитарного образования.

Б.Г.: И общая культура. Но в то же время переоценивать и считать, что только гуманитарное образование создает культуру, — это глубокая ошибка.

В.Т.: Это второй крен.

Б.Г.: Это второй крен, очень отрицательный, я вам тоже немножко расскажу об этом.

P.S. 9 декабря 1983 года состоялась четвертая беседа с Борисом Гнеденко. К сожалению, полная запись оказалась утрачена. Мы публикуем расшифровку сохранившегося фрагмента, в которой он успевает рассказать немного о Саратовском университете и профессоре Владимире Голубеве.

Валентина Федоровна Тейдер: Значит, мы начинаем с Саратовского университета сразу же, да?

Борис Владимирович Гнеденко: Да. Саратовский университет в ту пору представлял серьезное научное учреждение. Прошло совсем немного лет после того, как оттуда уехал видный физиолог Богомолец, на Украину переехал. Позднее Богомолец был длительные годы президентом украинской Академии наук.

В ту пору работал на факультете математическом профессор Голубев*. Позднее Голубев был профессором Московского университета, его деканом, был профессором и заведующим кафедрой математики Военно-воздушной академии имени Жуковского.

* Владимир Васильевич Голубев (1884—1954) — математик и механик, специалист в области аэромеханики и теории функций комплексного переменного. Первый декан механико-математического факультета МГУ.

В.Т.: Вот как? Он потом сюда, значит, перешел.

Б.Г.: Он переехал в Москву в 31-м году.

В.Т.: А вы рассказываете о 27-м — 30-м годах.

Б.Г.: О 27-м, да-да-да.

Нужно сказать, что Голубев обладал изумительным обаянием, умением привлечь к себе души студентов, умением заинтересовать математикой, ее возможностями даже самых безразличных студентов. Он обладал исключительной находчивостью, остроумием, умел так преподнести любую часть математического курса, что мы не могли оставаться равнодушными. И вот именно его лекция и была первой моей лекцией в университете, которую я услышал, так же, как и всех моих товарищей по факультету. Все...

[На этом перезапись четвертой беседы прерывается.]

Впервые материал был опубликован: Гнеденко Б.В. Беседа 5 декабря 1983 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С. 89–98.